

КАК ПОГИБ СЫН СТАЛИНА

28 апреля 1970 года. Москва. Неподалеку от Кремля, в Большом Комсомольском переулке живу в 35-ой квартире на четвертом этаже крупного жилого дома номер 5. В этой квартире на стене гостиной – фотопортрет молодого темноволосого человека в армейской гимнастерке. На ее воротнике – две нашивки с артиллерийскими значками и тремя кубиками старшего лейтенанта. Это покойный владелец квартиры Яков Джугашвили, старший сын Иосифа Сталина.

– Моя мама умерла три года назад, – говорит мне осиротевшая хозяйка квартиры, Галина Яковлевна Джугашвили, внучка Сталина.

Навестил я ее с целью выведать подробности смерти отца Галины в германском плену во время Отечественной войны. Об этом в конце 60-х годов появились очень разноречивые сенсационные статьи в западногерманских, английских, американских газетах и журналах. Я называю внучку Сталина просто Галиной или Галей, ибо тогда мы с ней были молоды и обходились в разговорах без наших отчеств.

– Но я знаю о гибели папы еще меньше, чем вы, – сказала мне Галина. – Мама верила, что папа каким-то чудом выжил у немцев и скрывается где-то после войны.

Таким образом мои надежды на нее не оправдались. Однако, вместе с тем, она рассказала о предвоенной жизни своего отца:

– Папу родила первая жена деда Екатерина Сванидзе в 1908 году. Дед познакомился с нею, еще учась в семинарии. Они поженились, венчались в церкви. А дальше дед мыкался по тюрьмам и ссылкам. Екатерина шила по заказам чужих людей, стирала им белье, всячески подрабатывала. Носила мужу тюремные передачи и литературу. В год рождения ее сына Якова она неосторожно напилась воды из какого-то ручья, заразилась брюшным тифом и вскоре скончалась. Грудного младенца взяла на воспитание сестра Екатерины.

Цитирую опять услышанное от Галины:

– В начале 20-х годов дед взял Якова из Грузии в Москву в 12-летнем возрасте. Мой отец окончил московскую школу и самостоятельно уехал в Ленинград, где поступил на завод простым рабочим. Потом трудился на ленинградской ТЭЦ. Дед не одобрял самовольное поведение сына. В итоге, по настоянию деда, папа вернулся в столи-

цу и поступил в Московский институт железнодорожного транспорта. Потом дед, в предчувствии грядущей войны, вынудил старшего сына пойти на военную учебу в Артиллерийскую академию имени Дзержинского. Когда началась война с Германией, то на следующий день папа был отправлен на фронт командиром гаубичной батареи. Вот и все, что я знаю наверняка о нем...

Кроме того Галина сообщила мне:

– Дед очень любил свою первую жену Екатерину и перенес эту любовь на Якова. Но не баловал сына.

По-моему, это не совсем верно. И вызвано тем, что Галина, как я понял с ее слов, боготворила своего великого деда вопреки всем официальным осуждениям Сталина за его массовые репрессии. А старший сын злил генсека более всего потому, что говорил по-русски с очень сильным грузинским акцентом, напоминая тем самым окружающим нерусское происхождение властелина России.

Борис Бажанов, личный секретарь Сталина в 20-х годах, сбежав из СССР и осев во Франции, опубликовал в 1976 году свои мемуары «Побег из ночи», где, в частности, сказано:

«На кремлевской квартире Сталина жил и его старший сын от первого брака Яков. Почему-то его никогда не называли иначе, чем Яшка. Это был очень сдержанный, молчаливый и скрытный юноша. Вид у него был забитый, Он был всегда погружен в свои какие-то скрытые внутренние переживания. Сталин его не любил и всячески угнетал. Яков ненавидел отца скрытой и глубокой ненавистью. Он старался всегда остаться незамеченным и не играл до войны никакой роли. Мобилизованный и отправленный на фронт, он попал в плен к немцам. В конце немецкого отступления Яшка был гестаповцами расстрелян».

Воспоминания Бажанова о «ненависти» Якова к отцу противоречат автобиографической книге Светланы Аллилуевой, дочери Сталина, «Двадцать писем к другу». Сводная сестра Якова посвятила ему восемь печатных страниц. Воспроизвожу только краткую выдержку:

«Яков уважал отца и его мнения, и по его желанию стал военным. Но они были слишком разные люди, сойтись душевно им было невозможно. («Отец всегда говорит тезисами», – как-то раз сказал мне Яша.) Яшино спокойствие и мягкость раздражали отца... Яша ушел на фронт на следующий же день после начала войны. Их часть направили прямо туда, где царила полнейшая неразбериха – на запад Белоруссии... Может быть, слишком поздно, когда Яков уже погиб, отец по-

чувствовал к нему какое-то тепло и осознал несправедливость своего отношения к нему. Яша перенес почти четыре года плена, который наверно был для него ужаснее, чем для кого-либо другого».

«Дело № Т-176»

Есть на свете места, где каждая пядь земли пропитана людской мученической кровью. Таким местом стал во время минувшей войны расположенный под Берлином тихий дачный поселок Заксенхаузен. Там фашисты, вырубив вековой сосновый бор, устроили огромный концлагерь. В нем было расстреляно, сожжено, замучено свыше ста тысяч человек. Теперь им поставлено общее надгробие – гранитный обелиск. У его подножия – каменные фигуры двух узников и советского солдата-освободителя. А позади них – руины крематория и лагерной тюрьмы, сторожевые вышки, бараки...

Заксенхаузен был Голгофой для лучших сынов народов Европы. Сюда были согнаны на муку и смерть антифашисты девятнадцати европейских наций. Здесь были расстреляны десять тысяч пленных красноармейцев. Через застенки Заксенхаузена прошел нестигаемый советский патриот генерал Карбышев, зверски замученный гитлеровцами перед самым концом войны в другом их концлагере. В феврале 1945 года в Заксенхаузене был казнен один из руководителей лагерного антифашистского Сопротивления генерал-майор Семен Акимович Ткаченко. И тут же, в Заксенхаузене, погиб 14 апреля 1943 года старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили.

Вот уже немало лет на ежегодном весеннем празднике Победы мы воздаем почести ее творцам – живым и почившим. Мы вновь называем их имена, вне зависимости от армейских рангов, общественного положения, происхождения, родства. Мы вспоминаем и тех, кто оказался по несчастью в фашистской неволе и достойно пронес через ад гитлеровских концлагерей высокое звание советского человека. В этом отношении история гибели старшего лейтенанта Джугашвили, при всем ее драматизме, немногим отличается от трагических судеб других таких же лейтенантов, рядовых солдат, старших и младших офицеров, сохранивших верность Отчизне даже под пытками или перед лицом смерти в нацистском плену. Память о них жива и далеко за пределами нашей страны. 25 октября 1974 года газета американских коммунистов «Дейли уорлд» отмечала: «Во время Второй мировой войны в числе многих советских военнопленных, ко-

торые предпочли погибнуть в Германии, лишь бы не предать свою социалистическую родину, был лейтенант Яков Джугашвили».

Никто не забыт и ничто не забыто, — эта заповедь и побудила меня взяться за перо, когда однажды, вдали от дома, я получил доступ к немецким трофейным документам из архива государственного департамента США, где долгие годы держались под секретом показания подручных Гимmlера о расправе над старшим лейтенантом Джугашвили.

В самом центре Вашингтона, на 13-м этаже украшенного помпезной колоннадой здания Национального архива США, расположен специальный «Отдел трофейных иностранных документов». Там мне вручили после переговоров с госдепартаментом США полученное из его архива «Дело №Т-176». Оно содержит около 40 машинописных страниц на немецком языке. Только два документа составлены по-английски. Первый гласит:

«Вашингтон. 30 июня 1945 года. 2 часа пополудни. Телеграмма от исполняющего обязанности государственного секретаря США Грю послу США в СССР Гарриману.

Сейчас в Германии объединенная группа экспертов государственного департамента и британского министерства иностранных дел изучает важные германские секретные документы о том, как был застрелен сын Сталина, пытавшийся якобы совершить побег из концлагеря. На сей счет обнаружено: письмо Гимmlера к Риббентропу в связи с данным происшествием, фотографии, несколько страниц документации. Британское министерство иностранных дел рекомендовало английскому и американскому правительствам передать оригиналы указанных документов Сталину, а для этого поручить английскому послу в СССР Кларку Керру информировать о найденных документах Молотова и попросить у Молотова совета, как наилучшим образом отдать документы Сталину. Кларк Керр мог бы заявить, что это совместная англо-американская находка, и презентовать ее от имени британского министерства и посольства США. Есть мнение однако, что передачу документов следует произвести от лица не нашего посольства, а госдепартамента. Суждение посольства о способе вручения документов Сталину было бы желательно знать в госдепартаменте. Вы можете обратиться к Молотову, если сочтете это полезным. Действуйте сообща с Кларком Керром при наличии у него аналогичных инструкций.

Грю».

Но через три недели американский посол в Москве получил новую директиву: ничего не сообщать руководящим советским деятелям о документах относительно гибели сына главы советского правительства. 5 июля 1945 года эти документы доставили из Франкфурта-на-Майне в Вашингтон и с той поры скрывали их ото всех в засекреченном архиве госдепартамента. Лишь спустя почти четверть века архивариусы госдепартамента, готовясь рассекретить за давностью лет документы военного времени, заготовили в 1968 году нечто вроде справки в оправдание сокрытия «Дела № Т-176». В справке говорится:

«После более тщательного изучения этого дела и его сути британское министерство иностранных дел предложило отвергнуть первоначальную идею передачи документов, которые по причине их неприятного содержания могли огорчить Сталина. Советским должностным лицам ничего не сообщили, и государственный департамент информировал посла Гарримана в телеграмме от 23 августа 1945 года, что достигнута договоренность не отдавать документы Сталину».

Неужто и впрямь боялись «огорчить»? Вот уж совсем не похоже на тех, кто после войны составили ближайшее окружение Черчилля и Трумэна. Вернее всего, их приближенные сами «огорчились», узнав из «Дела № Т-176», что застреленный гитлеровцами узник держался до конца как советский патриот. Кое-кого больше устраивали распущенные Геббельсом порочащие слухи о сыне главнокомандующего Красной Армией.

После войны на Западе было немало новых слухов и кривотолков, будто Яков Джугашвили, живой и невредимый, обнаружен то во Франции, то в Италии, то в Латинской Америке. Появились лже-свидетельства, самозванцы. Было написано множество статей и несколько книг с домыслами и выдумками самого невероятного фантастического пошиба. Истину прятали между тем под семью запорами, в засекреченных архивах. И приоткрыли их лишь благодаря таянию льдов «холодной войны» и началу советско-американской оттепели. Что ж, лучше поздно, чем никогда...

Возвращаясь к весне 1945 года, стоит, наверное, вспомнить, как маршал Советского Союза Г.К. Жуков, описывая в своих мемуарах встречу с И.В. Сталиным примерно за семь недель до Победы, рассказывал:

«Я спросил:

– Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

– Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его душегубы. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

– Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, что он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И.В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде. Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

– Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие...»

Сталин не знал, что минуло уже два года, как его старшего сына нет в живых.

В советском Комитете ветеранов войны автору этих строк сообщили, что ныне покойный заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии М.М. Пронин в свое время рассказывал, как вскоре после войны И.В. Сталин расспрашивал приехавшего в Москву из ГДР Вильгельма Пика о судьбе своего сына. По словам Пронина, Вильгельм Пик тогда сказал:

– К сожалению, установлено лишь то, что Яков погиб в одном из нацистских концлагерей.

Теперь известно название этого концлагеря – Заксенхаузен. Известны и другие лагеря, через которые прошел старший лейтенант Джугашвили. Известны обстоятельства его пленения и имена его убийц. Все это зафиксировано в «Деле № Т-176».

Первый допрос

«– Ваше имя?

– Яков.

– Вы являетесь родственником председателя Совета народных комиссаров?

– Да, старший сын Сталина...»

Так начинается стенограмма первого допроса военнопленного Якова Джугашвили. Допросом руководил майор германской армей-

ской разведки Вальтер Холтерс, перевербованный после войны американскими спецслужбами. Согласно показаниям Холтерса, в допросе участвовали также еще четверо работников Абвера – кадровые офицеры и переводчики. Допрос состоялся 18 июля 1941 года, а пленник был захвачен 16 июля. Почему же его не допросили немедленно? Об этом в «Деле № Т-176» – ни слова. Лишь в наши дни сотрудники западногерманского журнала «Штерн», опросив всех причастных к делу Джугашвили уцелевших гитлеровцев, установили с их слов следующее:

«Пробыв первые дни в плену, Яков Джугашвили не был опознан, но потом какой-то военнопленный, полумертвый от голода, сообщил кому следовало имя старшего лейтенанта, чтобы получить от немецкой охраны иудину чечевичную похлебку – дополнительный паек».

Вечером 18 июля пленника спешно доставили самолетом в штаб фельдмаршала Клюге. В комнате, отведенной для допроса, разложили на большом столе кипы бумаг и карт, спрятав под ними микрофоны. Допрос тянулся долго: было задано почти полторы сотни вопросов. Сперва выпытывали обстоятельства пленения:

- Вы сдались добровольно или вас захватили силой?
- Нет, не добровольно, – был ответ, – меня взяли силой.

Последовал град дополнительных вопросов, на которые был дан такой ответ: «16 июля наша часть была окружена. Наши бойцы отбивались до последней возможности. Потом возле меня никого не осталось. Я решил найти командира дивизии, но командира не оказалось возле его автомобиля. Вокруг машины собрались красноармейцы из вспомогательных подразделений. Они все обратились ко мне: «Командир, веди нас в атаку!» Я повел их в атаку. Началась сильная бомбежка. Затем – ураганный артобстрел. И снова я очутился один. Я собирался пробиться все же к своим и уйти вместе с ними. Но тут ваши окружили меня вдруг со всех сторон...»

– Откровенно говоря, – сказал пленник, – я бы застрелился, если бы своевременно обнаружил, что полностью изолирован от своих.

- Считаете плен позором?
- Да, считаю позором...
- С отцом о чем-либо говорили в самый канун войны?
- Да, последний раз 22 июня.
- Что сказал ваш отец при расставании 22 июня?
- Сказал: «Иди и сражайся».

Яков Джугашвили ушел на фронт и попал прямо на передовую в грозные дни прорыва гитлеровцев под Витебском. Его имя могло бы обеспечить ему более безопасное место в армейских тылах, но он и раньше, в предвоенные годы, как вспоминают знавшие его люди, не искал себе привилегий и легких путей. Уважая отца, он старался обходиться без его опеки. Того же раздражало такое поведение и вызывало вспышки гнева, приводившие иногда к жестокому самоуправству. Только в конце войны отец Якова, узнав о стойкости сына в германском плену, стал впервые отзываться о нем с теплотой и озабоченностью.

«Мы – враги»

Продолжая знакомиться со стенограммой допроса из «Дела № Т-176», процитируем, насколько позволяет место, хотя бы узловые вопросы и данные на них ответы пленника:

«— Считаете ли вы, что ваши войска еще имеют шанс добиться поворота в этой войне?

— Считаю лично, что борьба будет продолжаться.

— А что произойдет, если мы вскоре займем Москву, обратим в бегство вашу власть и возьмем все под свое управление?

— Не могу себе такого представить.

— А ведь мы уже недалеко от Москвы, так почему же не представить, что мы ее захватим?

— Позвольте контрвопрос: а если вы сами будете окружены? Уже бывали случаи, что ваши части, прорвав наши боепорядки, были позже окружены и уничтожены...

— Для чего в Красной Армии комиссары? Каковы у них задачи?

— Обеспечивать боевой дух и политическое руководство.

— Известны ли случаи, чтобы комиссаров удаляли из воинских частей?

— Такие случаи не известны. Комиссар — правая рука командира в политических вопросах. Хорошего комиссара солдаты уважают и любят.

— Вы считаете, что новое устройство в Советской России более соответствует интересам рабочих и крестьян, чем в былые времена?

— Конечно. А вы спросите их, каково им было при царях. Спросите да послушайте, что они скажут...

– Но известно вам, что комиссары призывают гражданское население сжигать при отступлении все ценное и уничтожать все запасы, обрекая тем самым русских на лишения и беды?

– Во времена Наполеона мы действовали точно так же.

– Разве это правильно?

– По чести говоря, правильно.

– Почему?

– К чему играть в прятки: мы с вами враги! В борьбе с врагом надо использовать все возможности. Человек всегда должен сражаться, пока есть хоть малейшая возможность.

– Значит, правильно, если советские власти подожгут Москву и выведут из строя все промышленные предприятия? Разве это не самоуничтожение?

– А почему вы так уверены, что непременно захватите Москву?

– Да знаете ли вы, сколько самолетов уже потеряли русские?

– Нет, не знаю.

– Свыше семи тысяч!

– А сколько самолетов потеряли вы сами?

– Менее 200.

– Что-то не верится.

– Неужто вы не видели русских аэродромов с вашими разбитыми самолетами?

– Видел, у границы, но вовсе не здесь.

– Выходит, вы верите в остатки русской авиации?

– Честно говоря, верю, как вы выражаетесь, в эти «остатки» нашей авиации».

На этом стенограмма допроса Якова Джугашвили заканчивается. Как видно, офицерам Абвера надоело без толку пререкаться со строптивым пленником. Предложили ему написать семье – отказался. Предложили передать его послание по радио домой – тоже отказался. Намекнули насчет агитационной листовки с призывом к советским солдатам сдаваться в плен – издевательски высмеял подобные затеи. Ну и рассудили тогда, что он для Абвера – никчемная добыча.

Путь в концлагерь

Следующий допрос Якова Джугашвили состоялся в штаб-квартире группы войск фельдмаршала Бока. Допрашивал капитан Вильфред Штрик-Штрикфельт – профессиональный разведчик, гово-

ривший по-русски без малейшего акцента. Вся жизнь Штрик-Штрикфельт занимался шпионажем против СССР. Во время войны его непосредственным начальником был Рейнгард Гелен, возглавлявший в германском генштабе разведотдел «Иностранные армии Востока», а после войны руководивший западногерманской секретной службой.

Летом 1941 года Гелен передал Штрик-Штрикфельту сверхсекретный приказ: выявить любыми способами среди пленных советских военачальников склонного к измене человека и от его имени развернуть пропаганду в концлагерях военнопленных за переход в услужение оккупантам. Это выполнили лишь год спустя – осенью 1942 года, когда к фашистам перебежал изменник генерал Власов, чьими действиями с первых дней его предательства и до самого конца войны руководил Штрик-Штрикфельт. Немец после войны и до смерти осенью 1977 года благополучно здравствовал в ФРГ и выпустил свои воспоминания, где рассказывает о попытке летом 1941 года завербовать Якова Джугашвили на вакантное в ту пору власовское амплуа.

« Мы предложили ему еду и спиртное, но он отказался», – вспоминает Штрик-Штрикфельт начало допроса Якова Джугашвили. Затем попытались воздействовать на пленника иным манером: стали убеждать его в духовно-расовом превосходстве германской культуры, на что он, однако, заметил, что Россия породила всемирно знаменитых писателей, композиторов, ученых, философов. По свидетельству Штрик-Штрикфельта, пленник сказал:

– Вы смотрите на нас, словно на примитивных островитян южных морей, но я, находясь в ваших руках, не обнаружил ни единой причины смотреть на вас снизу вверх.

Далее он назвал нападение Германии на СССР «откровенным бандитизмом» и добавил, что захватчики получают крепкий отпор. «Он не верил в конечную победу Германии», – пишет Штрик-Штрикфельт. И приводит финал допроса Якова Джугашвили:

– Итак, вы заявляете, что не верите в победу Германии?

– Нет, не верю, – сказал он.

Больше говорить было явно не о чем. Штрик-Штрикфельт обладал достаточной смекалкой и опытом по части изучения советского характера, чтобы признать в данном случае свое полное фиаско. Столь же безрезультатно он позднее допросил еще немало пленных, прежде чем заполучил наконец отщепенца Власова. Этот выродок был прямым антиподом советского офицера, о чем знают теперь по-

всюду не только из документов военной истории, но и благодаря таким популярным шедеврам мирового экрана, как киноэпопея «Освобождение», показанная во многих странах, в том числе в США. Эта картина, как известно, содержит яркий эпизод отказа Якова Джугашвили в Заксенхаузене примкнуть к предателям – власовцам. Только судя по последним сведениям, это произошло не в Заксенхаузене, а задолго до того на советско-германском фронте.

Впрочем, до исхода осени 1941 года нацисты еще старались извлечь политический капитал из захваченного ими необычного военнопленного. Его привезли в Берлин и передали в распоряжение департамента Геббельса. Надзор за пленным осуществляло гестапо. Упомянутый выше западногерманский журнал «Штерн» сообщает:

«Джугашвили перевезли из главной резиденции гестапо на Принц Альберт-штрассе в роскошный отель «Адлон», ибо Геббельс надеялся, что ему удастся трансформировать этого русского в антисоветского пропагандиста. Но Яков, убежденный коммунист, стоял на своем. И тогда его из геббельского гостя в дорогом отеле снова превратили в обычного военнопленного. Его отправили в офицерский концлагерь Любек, а затем в концлагерь Хаммельбург. Хотя он был ценным заложником, но весьма неудобным: он повсюду, где только мог, убеждал своих товарищей по плену, что Германия неизбежно проиграет войну и большевизм победит».

За колючей проволокой

Концлагерь Любек под Гамбургом был создан специально для особо «непокорных» военнопленных-офицеров. Здесь содержали пленных из разных стран, и потому концлагерь именовался «международным штрафным». В его узников охрана стреляла без всякого повода. Массовые убийства устраивались обычно по вечерам, когда охранники неожиданно давали свистком сигнал всем заключенным войти в бараки и тут же палили по тем, кто не успевал сделать это мгновенно. Старший лейтенант Джугашвили, попав позже в концлагерь Заксенхаузен, сказал там своему соседу по бараку, что в Любеке его «часто сажали в карцер». Говорил он также, что среди его товарищей по заключению в Любеке было много польских офицеров.

Будучи однажды по журналистским делам в Варшаве, я спрашивал работников польского Комитета ветеранов войны и узников концлагерей, есть ли свидетели пребывания Якова Джу-

гашвили в нацистском концлагере Любек. Сразу выяснить не удалось, но позже получил из Варшавы пакет с двумя номерами польского еженедельника «Политика», опубликовавшего письма нескольких читателей, попавших в годы войны за колючую проволоку в Любеке.

«Помню, – пишет Винсенты Ковалец, – как во время одной переключки в концлагерь доставили военнопленного в советском мундире. На следующий день немцы назвали его на переключке пленным полковником Макаровым. Однако уже через пару дней мы знали, что это был на самом деле Яков Джугашвили, сын Сталина. Интерес к нему, понятно, был очень большой. Однако он находился под постоянным наблюдением двух стражников, и контакт с ним казался невозможным. Джугашвили был лишен права получать какие-либо посылки, письма, газеты и так далее. Все же спустя два дня мы узнали, что контакт с ним установлен. Стали собирать для него продукты, папиросы и передавать их разными способами. Атмосфера вокруг него среди военнопленных была доброжелательной. Когда через некоторое время немцы начали выводить Джугашвили из барака на прогулку в специально отведенный участок лагерной территории, то мы устроили ему очень теплый прием. В лагере среди военнопленных возник тайный кружок друзей Советского Союза. Этот кружок подпольно устраивал лекции об СССР. Уже после войны я узнал, что это был один из первых кружков такого рода в концлагерях. А ведь комендант Любека полковник Фрайхор фон Вайхмайстер расстреливал пленных просто для развлечения! Это было его хобби. Стреляли «ради спорта». Так убили немало узников... Я думаю, хотя прошло много лет, эту историю следует выяснить до конца».

Бывший узник Любека, поляк Ян Гаврон таким же образом описывает пребывание Якова Джугашвили в Любеке и добавляет, что увезли его оттуда неожиданно в неизвестном направлении. Теперь известно, куда отконвоировали – в офицерский концлагерь Хаммельбург.

Хаммельбург имел свое специфическое назначение: там пленных офицеров из Советского Союза, Франции, Югославии и других стран разделяли на готовых под страхом смерти сотрудничать с нацистами и тех, кто не соглашался стать предателями, а потому подлежал уничтожению. Стойких антифашистов вывозили для казни в другие концлагеря, в том числе в Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, но чаще всего в Дахау, где связанных и раздетых догола узников Хаммельбурга расстреливали палачи из особого отряда СС. Та-

ким образом в 1941 году было убито 652 советских офицера, содержащихся в Хаммельбурге. Среди тех, кто не пошел на сделку с врагом и все же чудом уцелел, оказались двое советских людей – капитан Александр Константинович Ужинский и штабист Петр Павлович Кашкаров. Оба живут в Москве. Вот что рассказывает Ужинский:

«Я уже находился в концлагере Хаммельбург, когда туда весной 1942 года доставили Якова Джугашвили. Я знал его в лицо, потому что до войны, обучаясь в Москве в военно-инженерной академии, ходил иногда на занятия физкультурой в спортивный зал академии имени Дзержинского и не раз встречал там Джугашвили. С той поры он сильно изменился: лицо исхудало, почернело, взгляд глубоко запавших глаз стал тяжел и мрачен. Он был одет в истрепанную шинель и рваную гимнастерку. На голове – советская армейская пилотка. На ногах – башмаки с деревянными подошвами.

Я видел, как к нему подошел один из лагерных охранников, держа в руках банку с краской и кисть, и начертил у него на груди буквы SU (Soviet Union). Такие метки всем нам ставили на груди и на спине. А Якову Иосифовичу – и на груди, и на спине, и на брюках, на рукавах, на плечах и даже на пилотке! Пока охранник махал кистью, Джугашвили обернулся к толпившимся рядом пленным офицерам и громко крикнул:

– Пусть малюет! Советский Союз – такая надпись делает мне честь. Я горжусь этим!

Эти слова произвели большое впечатление. Мужественное поведение Якова Иосифовича мы, конечно, горячо одобряли. А сохранить твердость духа было тогда непросто. Каждый день из наших бараков выносили товарищей, умерших от истощения и болезней. И каждое утро эсэсовцы, выстроив нас на плацу, выводили из рядов свои очередные жертвы. Их под дулами автоматов вывозили из лагеря. Мы знали, что этих офицеров никогда больше не увидим.

К Якову Иосифовичу приставили одного пленного, который стал изменником. Этот субъект следил за Джугашвили и приставал к нему с антисоветскими разговорами. Однажды Яков Иосифович вспылил: схватил табуретку и пригрозил провокатору:

– Если ты, сволочь, еще раз оскорбишь Родину, размозжу голову!

В те дни мы под руководством попавшего в Хаммельбург генерал-майора Тхора готовили массовый побег: наметили места для разрыва колючей проволоки, составили карту окрестностей и

стали мастерить самодельные компасы. В это время я довольно близко сошелся с Яковом Иосифовичем. За ним неотступно следили, шансов на побег у него практически не было, но он знал о наших планах и обратился ко мне с просьбой:

– В случае удачи расскажи потом обо всем дома. Передай, что я ни за что не сдамся. Немцы меня и в Берлине уговаривали, и тут пытаются, но я не уступлю. Ненавижу их всем сердцем! Они обо мне клеветнические листовки разбрасывают, но я верю, что наши во всем разберутся. Фашисты мне смертью грозят. Сообщи, если погибну, всю правду обо мне...

Я посоветовался с друзьями и с их согласия привлек Якова Иосифовича к тайной выделке компасных стрелок из бритвенных лезвий, сделанных из магнитной стали. Но вскоре нас постигла неудача: фашисты каким-то образом пронюхали о подготовке побега и схватили многих близких к генералу Тхору офицеров. Самого генерала увезли из Хаммельбурга и уничтожили. Увезли в неизвестном направлении и Якова Джугашвили. О его участи до конца войны я ничего не знал...»

Совет генерала Карбышева

Товарищ Ужинского по заключению в Хаммельбурге Петр Павлович Кашкаров встретил войну на посту начальника штаба одной из наших частей, оборонявшей Брестскую крепость. Вместе с ее защитниками он принял неравный бой, потом оказался в заточении в Хаммельбурге, а позднее – в Нюрнберге. Стал другом и одним из помощников генерала Карбышева. После войны работал в Москве на крупной автобазе. Там я с ним увиделся и записал еще один рассказ бывшего узника Хаммельбурга:

«Когда в апреле 1942 года в Хаммельбург пришел эшелон с заключенными из концлагеря Замостье, я заметил среди них Дмитрия Михайловича Карбышева, с которым прежде был знаком. Я подошел к нему, поздоровался, и он мне сказал, что по пути в Хаммельбург из их эшелона совершил побег генерал Огурцов. Это было радостное известие: мы в Хаммельбурге мечтали о том же. Во главе нашего подполья стояли генералы Тхор, Никитин и Алавердов. Карбышев сразу же к ним присоединился. Вам, наверное, теперь известны его слова: «Плен – страшная трагедия воина, но пока идет война, мы должны бороться здесь, за колючей проволокой!»

Несколько дней спустя после прибытия Карбышева я его спросил:

– Товарищи интересуются, можно ли доверять находящемуся тут Якову Джугашвили?

Карбышев ответил:

– К Якову Иосифовичу следует относиться как к непоколебимому советскому патриоту. Это очень честный и скромный товарищ. Он немногословен и держится особняком, потому что за ним постоянно следят. Он опасается подвести тех, кто с ним будет общаться.

Я догадался, что Карбышев и другие руководители подполья тайно поддерживают контакт с Джугашвили. Затем я сам с ним познакомился и убедился, что это действительно настоящий советский офицер. К его характеристике, данной Карбышевым, хочу добавить, что Яков Джугашвили был исключительно отзывчивым человеком: он, страдая от недоедания, часто делился хлебом с больным и ослабевшим товарищем.

Он и Карбышев еще оставались в Хаммельбурге, когда меня и часть узников отправили в Нюрнберг. Через некоторое время туда же доставили Карбышева. Когда я спросил его о Джугашвили, он сказал:

– Якова Иосифовича увезли из концлагеря неизвестно куда. Гитлеровцы на него злы невероятно...»

Один из охранников Хаммельбурга эсэсовец Йозеф Кауфман, избежав после войны наказания в ФРГ, осмелел до такой степени, что в 1967 году на страницах западногерманской газеты «Бильд ам Зонтаг» жаловался, как ему было трудно усмирять поднадзорных заключенных:

– Сын Сталина выступал в защиту своей страны всякий раз, как представлялся случай. Он был твердо убежден, что русские победят в войне.

В последние дни пребывания старшего лейтенанта Джугашвили в Хаммельбурге туда прибыли из Берлина несколько изменивших своему народу грузинских буржуазных националистов, которые принялись уговаривать Якова Джугашвили встать на их сторону. В ответ он предложил отщепенцам выйти вместе с ним на лагерный плац. Наблюдавший эту сцену вместе с другими военнопленными ныне покойный полковник Фесенко рассказал на встрече бывших узников Хаммельбурга, что Джугашвили тогда во всеуслышание заявил предателям:

– Возвращайтесь туда, откуда вас прислали, и скажите там, что, если даже останется в живых всего один боец Красной Армии на последнем клочке нашей земли, то и в таком случае он будет биться с вашими хозяевами до самого конца!

На это один из изменников выкрикнул, что Якову недолго осталось жить. Но и без того Яков Джугашвили в тот день наверняка явственно предвидел неизбежную близость своего конца.

«При попытке к бегству»

Когда старший лейтенант Джугашвили попал в Заксенхаузен, там день и ночь безостановочно работал нацистский конвейер смерти. Распространяя гарь и зловоние, дымила труба крематория. Из радиорепродукторов гремела музыка – обязательный аккомпанемент массовых расстрелов заключенных. Полным ходом работала газовая камера. Во внутренней тюрьме «Целленбау» узников пытали, переламывая им кости и добывая полуживых людей. Туда, в «Целленбау», и поместили поначалу Якова Джугашвили. В те дни его судьбой распоряжался начальник этой тюрьмы эсэсовец Курт Эккариус. Он после войны предстал перед трибуналом в Берлине и дал такие показания, от которых и сегодня леденеет кровь. Вот небольшая выдержка из протокола судебного заседания:

«Вопрос прокурора: Какие наказания существовали в вашей карцерной тюрьме?»

Ответ Эккариуса: Порка на козле, подвешивание на столбе, различные виды арестов, казнь.

Прокурор: Что представляло собой подвешивание на столбе?

Эккариус: Людям связывали руки за спиной и после этого подвешивали с вывернутыми руками на столбе, который они сами заранее должны были врыть в землю.

Прокурор: Сколько времени заключенные висели в таком положении?

Эккариус: Обычно полчаса. А для того, чтобы добиться показаний, до двух часов.

Прокурор: Применялись ли еще какие-либо истязания?

Эккариус: Заключенных били и пинали ногами, обливали ледяной водой, гоняли зимой босыми вокруг карцера, и так далее.

Прокурор: Верно ли, что условия в карцерной тюрьме были настолько бесчеловечны, что заключенные лишали себя жизни, ибо не могли вынести этих пыток?

Эккариус: Так точно. 20 или 25 человек покончили жизнь самоубийством.

Председатель суда: Вы отправляли заключенных на уничтожение в крематорий. Это правильно?

Эккариус: Так точно. Я постоянно отправлял заключенных в крематорий...»

Палач остался на свободе, хотя прокуратура в Мюнхене начала против Эккариуса следствие по обвинению его в причастности к убийству Якова Джугашвили. Обвинение базировалось на показаниях бывшего помощника Эккариуса – унтершарфюрера СС Вальтера Услеппа, живущего тоже в ФРГ. Он заявил, спасая собственную шкуру, что его начальник вроде бы участвовал в расстреле Джугашвили, которого незадолго до казни зверски избили за то, что он крикнул во всеуслышание: «Гитлеру скоро придет конец!»

Мюнхенский прокурор Карл Вайс в ходе следствия публично оповестил: «В официальных актах концлагеря несколько раз упоминается, что при расстрелах русских был ликвидирован также Яков Джугашвили».

Однако прямых документальных улик против Эккариуса так и не обнаружили, и в итоге судебное дело замяли.

Живущий в Москве бывший узник Заксенхаузена № 73025 и активный участник лагерного подпольного Сопротивления Марк Григорьевич Телевич говорил мне:

– Штаб нашего подпольного Сопротивления ничего не знал в то время о судьбе Якова Джугашвили, хотя мы через своих людей были осведомлены буквально обо всем происходящем в бараках, в тюрьме, в местах казней...

Таким образом, единственные свидетельства о последних днях старшего лейтенанта Джугашвили – это трофейные гитлеровские документы.

Из находящегося в «Деле № Т-176» рапорта СС о смерти Якова Джугашвили явствует, что он был помещен в специальный барак на территории особого лагерного блока «А», полностью изолированного от остальной части Заксенхаузена. Охрану составлял особый эсэсовский караул. Блок «А» был оцеплен колючей проволокой под электрическим током напряжением 550 вольт. В одном бараке вместе с Джугашвили содержался еще один советский военнопленный по имени Василий Кокорин, называвший себя племянником Молотова. Кроме него в особом блоке «А» помещались четверо пленных англичан, из

которых двоих – Мэрфи и О'Брайена – уже нет в живых, а двое других – Кушинг и Уолш – здравствуют в Англии. Показания, включенные в «Дело № Т-176», дают основание предполагать, что Кушинг и Уолш в 1943 году сыграли в Заксенхаузене весьма подлую роль...

Томас Кушинг и Эндрю Уолш попали в германский плен во время сражения под Кале в 1940 году и сразу же заявили о своей готовности сотрудничать с фашистами. Их передали германской разведке, поселили в Берлине на Гогенштрауфен-штрассе, а затем стали готовить для выполнения секретных диверсионных заданий. Кушинга тренировали с целью переброски в Латинскую Америку, где он с группой таких же лазутчиков должен был взорвать шлюзовые сооружения на Панамском канале. Уолша планировали сбросить с парашютом в Шотландии для устройства взрывов на оборонно-промышленных предприятиях. Как заявляет Уолш, его бывлой соратник Кушинг имел также задание от гестапо шпионить за тремя остальными англичанами и усердно этим занимался. Все четверо, однако, так и не успели стать диверсантами, ибо их неожиданно направили в Заксенхаузен и разместили в том же блоке, где был заточен Яков Джугашвили.

Это странное соседство началось с того, что англичане попытались заставить Джугашвили и его соотечественника в качестве слуг убирать их койки, а когда в ответ последовал решительный отказ, британцы принялись всячески оскорблять их. Документы СС констатируют, что англичане старались лишить советских пленников пищи и обращались к ним не иначе как «большевистская свинья» (излюбленное выражение шефа гестапо Мюллера и его подручных). Однажды О'Брайен даже ударил Кокорина по лицу. Теперь, много лет спустя, Кушинг в оправдание всех этих подлостей дает столь же гнусное объяснение: «Мне и моим приятелям действовали на нервы бесконечные пропагандистские речи Джугашвили». На деле же Кушинг и его компания имели, очевидно, поручение спровоцировать столкновение с Яковом Джугашвили, во время которого произошел бы «несчастный случай» со смертельным исходом. Подобное натравливание узников из разных стран друг на друга неоднократно практиковалось в Заксенхаузене.

Рапорт СС о смерти Якова Джугашвили сообщает, что незадолго до того этот заключенный заявил:

– Скоро германские захватчики будут переодеты в наши лохмотья, и каждый из них, способный работать, поедет в Россию восстанавливать камень за камнем все то, что они разрушили...

После этого заявления главари СС, видимо, решили более не мешкая разделаться с их неуступчивой жертвой. 14 апреля 1943 года, как гласит рапорт СС, Яков Джугашвили будто бы взбунтовался, отказался вечером зайти в барак, двинулся якобы прямо через «полосу смерти» перед проволочным ограждением, а на окрик охранника ответил: «Стреляйте!». Затем он вроде бы сам бросился на проволоку с электрическим током, после чего эсэсовец-охранник Конрад Харвиш в присутствии начальника караула эсэсовца Карла Юнглинга застрелил Якова Джугашвили.

22 апреля 1943 года Гиммлер направил в нацистское министерство иностранных дел на имя Риббентропа под грифом «Совершенно секретно» рапорт СС и личную депешу о гибели Якова Джугашвили.

В телеграмме сказано:

« Дорогой Риббентроп!

Посылаю вам рапорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был застрелен при попытке к бегству из особого блока «А» в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

*Хайль Гитлер!
Ваш Генрих Гиммлер.»*

Замаскированное убийство

Факт гибели старшего лейтенанта Джугашвили был зафиксирован, помимо рапорта СС, медицинским заключением о его смерти и серией фотоснимков тела убитого на проволочном ограждении. Ныне этот же факт подтверждают Кушинг и Уолш, а также живущие преспокойно в ФРГ Юнглинг и Харфиш, который заявил при встрече с журналистами: «Это точно, что я в него выстрелил».

Но было ли это убийство «при попытке к бегству» или пленника хладнокровно расстреляли, а затем, бросив его тело на проволоку, инсценировали мнимое бегство? Ведь Яков Джугашвили, несомненно, мечтавший об освобождении, не мог вместе с тем не знать, что бегство из проволочной западни под током 550 вольт на глазах вооруженной охраны просто бессмысленно!

Трафаретная эсэсовская формулировка «убит при попытке к бегству» была обычным прикрытием расправ над противниками на-

цизма. В Заксенхаузене таким образом убили множество людей, о чем засвидетельствовал после войны в своих мемуарах бывший узник этого концлагеря, ветеран немецкого коммунистического движения Зепп Хаан. В мае 1943 года в Заксенхаузене эсэсовцы расстреляли 70 пленных американских и английских летчиков, а потом было объявлено, что эти пилоты «убиты при попытке к бегству». Один из эсэсовских палачей в Заксенхаузене, некий Вильгельм Шуберт, предстал перед судом в 1947 году, открыто заявил: «Я убил собственноручно 636 русских военнопленных», – и добавил:

– Однажды я подвел нескольких заключенных к цепи охранных постов, сорвал шапку с головы одного заключенного, бросил ее за линию охранных постов и приказал ему принести шапку обратно. Таким образом я расстрелял четырех заключенных под видом пресечения попытки к бегству...

В рапорте СС о гибели Якова Джугашвили и в показаниях его убийц-эсэсовцев говорится, что он вроде бы сперва упал на проволоку с электротоком и только после этого был застрелен. Однако ни в рапорте, ни в эсэсовских показаниях, ни в медицинском заключении о смерти нет ни слова о следах ожогов на теле убитого или о последствиях электрошока, хотя по проволоке шел ток высокого напряжения. Заключение о смерти, составленное батальонным медиком дивизии «Мертвая голова», сообщает:

«14 апреля 1943 года, когда я осмотрел данного пленного, я констатировал смерть от выстрела в голову. Входное пулевое отверстие расположено примерно в 4 сантиметрах ниже уха сразу же под скуловой дугой. Смерть должна была наступить немедленно после этого выстрела. Очевидная причина смерти: разрушение нижней части мозга».

По расположению пулевой раны нетрудно догадаться, что в Якова Джугашвили выстрелили сзади или сбоку. Как утверждает ныне Юнглинг, старший лейтенант Джугашвили погиб 14 апреля около девяти часов вечера. Рапорт СС уточняет: «позднее 8 часов 30 минут вечера, после наступления темноты». Между тем Харфиш уверяет, что метко выстрелил, несмотря на темноту, только один раз. Но зато в упор и не «при попытке к бегству», а по секретному приказу своего начальства.

Исполнители казни – эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова» – получили приказ молчать об этом убийстве под угрозой расстрела. Как видно, руководители палачей в ту пору, после Сталинградской

битвы, уже стремились на всякий случай скрыть хотя бы некоторые свои злодеяния.

Возникает вопрос: зачем Гиммлеру понадобилось не только информировать Риббентропа о гибели Якова Джугашвили «при попытке к бегству», но и сопроводить свое явно фальшивое сообщение соответствующими документами СС и фотоснимками? Ведь Гиммлер в годы войны был неизмеримо сильнее нацистского министра иностранных дел, и отчитываться перед Риббентропом в грязных делах СС ему совсем не требовалось. И еще одна деталь: ведомство Гиммлера в конце войны позаботилось уничтожить почти всю свою компрометирующую документацию, спалив ее, утопив в озерах или спрятав в шахтах, а между тем архивы гитлеровского МИДа едва ли не целиком сохранились и стали трофеем военных противников фашистской Германии. Похоже, что Гиммлер, испытывая после Сталинградской битвы недоброе предчувствия, с дальним прицелом фальсифицировал убийство в Заксенхаузене 14 апреля 1943 года.

Окончательно прояснить обстоятельства этого убийства смог бы, пожалуй, только один человек, но он предпочел отмолчаться. Это ушедший на пенсию бывший криминаль-директор западногерманского федерального управления сыскной полиции Курт Аманд. В годы войны он был гаупштурмфюрером СС. Это он составил рапорт СС о гибели Якова Джугашвили. Это ему поручил Гиммлер курировать все вопросы, связанные с заточением старшего лейтенанта Джугашвили. Это ему подчинялись убийцы из специального блока «А». Но они безбедно живут без каких-либо угрызений совести, словно люди забыли о кровавом кошмаре Заксенхаузена, о тысячах замученных там антифашистов.

Однако память об этом столь же неистребима, как тверда воля европейских народов не допустить повторения трагедий минувшей войны. И ныне на развалинах концлагерных строений Заксенхаузена усилиями девятнадцати европейских стран, чьи сыны томились здесь и гибли, построен Музей европейского Сопротивления фашизму. Он стоит на прахе и пепле тысяч узников, среди которых был и старший лейтенант Джугашвили, чьи останки сожгли тут, в лагерном крематории, в апреле 1943 года.

Москва – Варшава – Вашингтон

Полузапретная тема

Текст, который вы только что прочитали, был написан мною в конце 1975 года, исключая более позднее вступление.

Мой тогдашний начальник – главный редактор журнала «Новое время» Павел Наумов – послал документальный очерк о сыне Сталина для перестраховки на «консультацию» в отдел пропаганды Центрального Комитета КПСС. А там тоже ради перестраховки размножили очерк и отправили каждому члену Политбюро ЦК на индивидуальный опрос. Итог высказал мне Наумов:

– Нет претензий к тексту вашего очерка, но его публикация сочтена несвоевременной.

Два года спустя я познакомился случайно с Викторией Сирадзе, секретарем ЦК компартии Грузии. Ей пересказал злоключения моего очерка о Якове Джугашвили, и она попросила отдать ей текст запрещенного очерка. Потом Сирадзе и ее коллеги из грузинского ЦК инициировали переговоры с московскими цекистами. Подробности этих переговоров мне неизвестны.

Зато знаю результат: в апреле 1978 года, накануне очередного празднования Дня Победы, отвергнутый в Москве мой очерк опубликовал тбилисский маленький журнальчик «Литературная Грузия».

Напечатали мое творение по-русски количеством в семь тысяч экземпляров. По тем временам это был мизерный тираж для ведущих литжурналов. Читиво о старшем сыне Сталина предназначалось лишь грузинам.

Минуло много лет, и в 2009 году в Москве директор студии документального кино Александр Колесник обратился ко мне с предложением придать огласке на телевидении имеющиеся у меня фотокопии трофейных фашистских документов о гибели военнопленного сына Сталина. Я поддержал замысел Колесника, а он закончил работу над своим фильмом в начале 2010 года и передал свое детище московскому телеканалу ТВ-Центр.

Но руководство ТВ-Центра в апреле 2010 года отвергло фильм Колесника «Неизвестная судьба Якова Джугашвили». И тогда Колесник переадресовал фильм телеканалу «Россия». Однако и предводители теле-«России» отказались продемонстрировать документальное кино о сталинском сыне.

В конце концов упрямому Колеснику удалось кое-как пристроить неприемлемый фильм на низкорейтинговом телеканале министер-

ства обороны «Звезда». Фильм прокрутили в субботний день в три часа пополудни, когда большинство телезрителей либо обедает, либо возится на огородных дачных участках. Никто из моих знакомых не видел полузапретной киноленты. Ее бедствия были вызваны тем, что она воссоздала положительный образ сына Сталина.

Телеканал ТВ-Центр, отторгнув фильм Колесника, показал в апреле 2010 года двухнедельный сериал «Концлагеря, Дорога в ад». В том сериале речь шла в основном об убийстве евреев в гитлеровских концлагерях. Почти десятичасовой сериал уделил лишь пять минут скупому рассказу о гибели Якова Джугашвили в Заксенхаузене.

Телеведущий концлагерного сериала – какой-то юнец со стрижкой школьного подростка – сначала упрекнул Сталина за то, что тот якобы отказался выменять пойманного германцами сына на плененного Красной Армией немецкого генерала. А затем телеведущий заявил, что Яков Джугашвили в Заксенхаузене будто бы опасался своего освобождения, так как боялся отцовской кары за плен, и посему решился на самоубийство.

Никаких доказательств антисталинской версии ТВ-Центр не предъявил. Ведь отказ Сталина выменять сына у немцев – всегнанавсего ничем не подтвержденная легенда. Да и как бы выглядел главнокомандующий нашей армии в глазах соотечественников, когда выручил бы из плена одного своего сынка, оставив в неволе у интервентов три миллиона советских военнопленных?

У меня сложилось такое впечатление, что наши власти и послушная им пресса весьма испуганы даже призраком Сталина, который бродит ныне по беспокойной России.

Тремя годами ранее многострадального фильма Колесника дочь Якова Джугашвили удвоила свою фамилию, назвав себя Джугашвили-Сталина, и выпустила под новой фамилией книгу «Тайна семьи вождя». Одна из глав книги имела изумивший меня заголовок – «Мой отец не был в плену». Под этим заголовком я прочел такие строки:

«Сын Сталина старший лейтенант Красной Армии Яков Джугашвили никогда не был в немецком плену. Есть все основания полагать, что мой отец погиб в неравном бою в середине июля 1941 года. Берлин выдавал за Якова Джугашвили другого человека: агента-двойника из Абвера».

В доказательство сему Галина Джугашвили-Сталина не излагает никаких документов или показаний очевидцев. Между тем она цити-

Однако неготовый Колесник написал о бойке свое письмо персонально тогдашнему российскому президенту Медведеву. И вот спустя киноленте Колесника всё же промелькнуло однажды на теле «Россия».

рует мой грузинский очерк и два раза упоминает меня поименно. Но делает это странно. Вот пример:

«Появилась большая статья Ионы Андропова, посвященная моему отцу, – подробный рассказ о его пребывании в лагере Заксенхаузен. Полная сочувствия и восхищения стойкостью пленника, статья все же неприятно удивила меня описанием ссор, чуть ли не драк «сына Сталина» с соседями по бараку, английскими офицерами, из-за таких бытовых мелочей, как пара лишних сигарет».

Но ничего подобного «дракам» сына Сталина с его сокамерниками из-за «пары лишних сигарет» я не описывал. Да такого просто не было. Зачем же об этом нафантазировала Галина?

А вот еще одна ее выдумка обо мне:

«Иона Андронов, исходя из своих материалов, делает вывод, что Яков Джугашвили был застрелен часовым при попытке к бегству».

На деле все иначе. «Застрепен при попытке к бегству» – это разоблаченная мною лживая формулировка Гимmlера для камуфляжа санкционированного им расстрела Якова Джугашвили. Почему же Галина внесла загадочную путаницу в свою книгу?

Объясняется это, как мне кажется, тем, что во время ее книжного отрицания плена отца она переживала мучительную агонию: медленно умирала от смертельного ракового заболевания. В таком состоянии обманчиво мерещится что угодно.

Перед кончиной она с явным умыслом удвоила свою фамилию в честь деда. Его и ранее она высоко чтила. Теперь же переняла, очевидно, и политические взгляды Сталина. А он считал попадание в плен советских офицеров непростительным предательством. За это Сталин приказал осенью 1941 года арестовать и посадить в тюрьму жену своего сына Юлию, мать Галины. Юлия провела полтора года в одиночной камере печально знаменитой Владимирской тюрьмы. Ее освободили весной 1943 года, когда Сталин получил агентурную информацию советской разведки о том, что его сын ведет себя отважно и патриотично в германском плену.

Яков Джугашвили, как следует из его немецких допросов, также считал свой плен «позором». Это черное пятно и попыталась смыть Галина Джугашвили-Сталина в ее предсмертной книге.

Было бы непорядочно умолчать об аргументах Галины о том, что ее отец не был в плену. Во-первых, она сочла лгуном капитана Александра Ужинского, который говорил ей, как он подружился с Яковом Джугашвили в концлагере Хаммельбург.

С Ужинским я тоже встречался у него дома и долго беседовал в 1970 году. Он не вызвал у меня подозрений в его неискренности. Об общении с Яковом поведал мне также другой узник Хаммельбурга – советский офицер Петр Кашкаров. Тем не менее, воспоминания обоим не имеют никакого отношения к убийству сына Сталина в концлагере Заксенхаузен, так как тех двух военнопленных там не было!

Во-вторых, Галина оспорила протоколы допросов отца в плену: «Изумление вызывает ответ «сына Сталина» на простой вопрос, – и это зафиксировано в очередном протоколе, – где он родился. Он называет город Баку! Но в паспорте отца, который я храню, место его рождения – село Бадзи, Грузия. Перепутать поселок в Рачии, низменной области Грузии, со столицей Азербайджана? Невольно приходит мысль о небрежно, второпях составленной «легенде».

Между тем в российском министерстве обороны хранится личное дело старшего лейтенанта Якова Джугашвили с заполненной им анкетой 19 мая 1941 года. В той анкете в графе «место рождения» указано «гор. Баку». К анкете приложена рукописная автобиография Якова Иосифовича, в которой им записано: «Родился в 1908 году в марте месяце в гор. Баку в семье профессионального революционера».

Тот «профессиональный революционер» занимался тогда в Баку подпольной бунтарской деятельностью, за что угодил в бакинскую тюрьму. Его навещала беременная жена, разродившаяся в Баку их ребенком.

Третий аргумент Галины состоит в том, что установлена фальшь письма Якова из плена к отцу и подделка фотографий сына Сталина в приятельской обстановке с немецкими офицерами. Такое жульничество содержали листовки, которые разбрасывали в 1941 году германские самолеты над Москвой и прочими местами. Листовки призывали сдаваться в плен вермахту, как это якобы сделал сын главы СССР.

Листовочное письмо Якова Джугашвили и его снимки запанибрата с гитлеровцами действительно были фальшивыми. Но разве это опровергает трофейное досье Гимmlера об уничтожении сына Сталина в концлагере Заксенхаузен?

И наконец заключительный довод Галины:

«Сын Сталина был артиллерийским офицером и честно разделил судьбу своих однополчан. Узнав о гибели сына Сталина, – в первый год войны немцы внимательно просматривали документы, найденные у погибших в бою советских офицеров, – немецкие

спецслужбы и решаются на фальсификации. Возможно, роль лейтенанта Джугашвили согласился играть его земляк-сослуживец, попавший в плен. Возможно, немцы для участия в спектакле нашли «своего пленника». Легенда составлялась спонтанно, на основе скудной информации. Отсюда и неловкость двойника, его промахи, оговорки. Быть может, для маскировки спецоперации были приняты и другие меры».

Предположение о двойнике сына Сталина у фашистских спецслужб, по моему суждению, совершенно нелогично. Если бы те службы создали такого двойника, то с какой стати они мытарили его по концлагерям и затем прикончили? Их двойник должен был сразу сотрудничать с ними и рьяно выполнять их приказы, как это сделал впоследствии изменник генерал Власов. Да не было у гитлеровцев никакого двойника Якова Джугашвили.

Газета «Комсомольская правда» напечатала 7 июня 2007 года немного сокращенную книжную публикацию Галины Джугашвили-Сталиной «Мой отец не был в плену». Рядом газета поместила заявление Федеральной службы безопасности России под заголовком «Яков вел себя в фашистских лагерях достойно». В заявлении ФСБ говорилось:

«В архивах ФСБ имеется достаточно документальных подтверждений того, что сын Иосифа Сталина Яков Джугашвили действительно находился в немецком плену. Все, кто был в фашистском плену вместе с Яковом, найдены и допрошены после войны. Они показали, что Джугашвили вел себя достойно».

Ниже перечислялись факты о пребывании Якова в плену, взятые из моего тбилисского документального очерка. Фигурировало не совсем грамотно и мое имя – «исследователь Ион Андронов».

На этом пора ставить точку, добавив финальный абзац о том, что Галина Яковлевна Джугашвили-Сталина умерла 27 августа 2007 года. Она похоронена в Москве на престижном Новодевичьем кладбище. Куда подевали эсэсовцы крематорный прах ее отца – до сих пор неизвестно.